

Андрей Тарковский: «Думаю, отцу не было бы стыдно за меня»

Великому русскому кинорежиссеру Андрею Тарковскому в этом году исполнилось бы 70 лет. В дни XXIV Международного Московского кинофестиваля в 1-м павильоне «Мосфильма», где Тарковский снимал «Сталкера», вручали премии Национальной Академии кинематографических искусств и наук – «Золотой Орел». Первый среди награжденных – Андрей Тарковский, посмертно. Премию принимал сын, президент Международного фонда Тарковского, Андрей Тарковский-младший, прилетевший накануне из Флоренции. На следующий день мы встретились с Андреем Андреевичем на выставке в «Манеже», организованной его Фондом и посвященной творчеству Мастера.

Семь фильмов снял Андрей Тарковский. Семь выставочных композиций: кадры из кинокартин, афиши, личные фотографии – режиссер на съемках, с детьми, друзьями, в больнице, макеты дома с прудом и кустарником на пригорке, деревянный покосившийся колодец в натуральную величину и рассыпанные на земле яблоки, рублевская «Троица», старый облупленный дверной проем, замурованный кирпичной кладкой, сухие цветы и травы... И над всем этим чувственным миром образов Художника – огромное изображение парящего, с устремленными в небо, будто старый орган, колоннами, величественного полуразрушенного храма – финальной метафоры «Ностальгии»... Это образ «тарковского» мироздания, материализованного в нашем сознании из его фильмов. Образ заброшенной, одинокой нашей планеты, дома, матери-Земли.

Елена Караколева: Андрей, вам не впервые приходится принимать награды за отца?

Андрей Тарковский: В 1986 году в Каннах, на XXIX МКФ, я принимал награду за фильм «Жертвоприношение».

Е.К.: Вы живете во Флоренции. Почему именно там?

А.Т.: Там моя основная работа. Отец любил этот город, вообще Италию. Ему нравилась атмосфера одуховренности, которой пронизана эта благословенная земля. В центре Флоренции наш дом, подарок мэра отцу. Я стараюсь сохранить всю обстановку такой, какой она была при отце.

Е.К.: Любовь к Италии передалась вам от отца?

А.Т.: Наверное. Впервые приехав во Флоренцию из Парижа в 86-м, я сразу понял, что хочу жить здесь. Хотя люблю Париж. Но не могу находиться там долгое время. Становится тяжело. Хочется опять в Италию.

Е.К.: Значит, чувства ностальгии по России, присущей вашему отцу, вы не испытываете?

А.Т.: По Москве, если честно, нет. Больше по русской деревне. Как, впрочем, и отец. Мне очень не хватает нашего дома под Рязанью. Отец тяготился Москвой, с которой у него была связана масса неприятностей, и рвался при любом удобном случае в деревню. Он был, в принципе, домашний человек. Дом был ему необходим, как нормальное, уединенное место для работы. Мама это понимала и старалась создать ему подходящую атмосферу. В своем дневнике «Мортиролог», который, я надеюсь, нам удастся в ближайшее время издать в России, он неоднократно возвращался к этой теме: «Скорее бы в деревню! Скорее в деревню! Не могу больше в Москве!». Уезжая за город, он отдыхал душой от всех чиновничьих маразмов, которые окружали его в Москве.

Отец нашел этот дом случайно. Кто-то из родственников порекомендовал поехать под Рязань. Дом был старый, доверенный. Но отец сразу понял, что это именно то, что нужно. Потрясающая положительная энергетика, девственная природа. Отец очень любил и чувствовал природу. К любому растению относился как к живому существу. Мы любили с ним подолгу гулять. Вскоре после покупки дом сгорел. Отец с большим энтузиазмом принялся за его восстановление. Сам строил сарай, обустроивал по своему вкусу комнаты. Для него огромное значение имели малейшие детали. Помню, тогда отец задумал писать сценарий «Гомманианы». Поехал в деревню. Но за два месяца не написал ни строчки. Поработав неделю физически, он быстро написал сценарий. Сейчас мы планируем сделать там музей. Может быть, в следующем году нам удастся его открыть.

Где бы отец ни жил, он всегда искал свой дом. Даже в Италии, когда поселил-

ся во Флоренции, мечтал построить в Тоскане дом. Даже купил землю.

Е.К.: Может быть, теперь вы построите там ваш дом?

А.Т.: Когда-нибудь я это сделаю. Когда в 1982 году отец поехал по приглашению в Италию снимать «Ностальгию», он не знал, что никогда не вернется обратно. Мне было 11 лет. Вынужденное решение отца остаться на Западе разлучило нас на мучительно долгие 4 года ожидания. Я оставался с бабушкой и родственниками в Москве. Власти не разрешили

Андрей Тарковский-младший

мой выезд, даже чтобы повидаться с родителями. Их логику можно объяснить: отец причинил им большие неприятности, зачем же рисковать еще раз со мной? Должен же был кто-то понести за это наказание.

Е.К.: Могли представить эмоции ваших родителей, которых лишили сына...

А.Т.: Время тянулось мучительно медленно. Но я почему-то всегда был уверен, что когда-нибудь это кончится, и мы снова будем вместе. Разрешение на выезд из страны пришло в 1986-м, за несколько месяцев до его смерти. Правда, о том, что папа неизлечимо болен, я узнал только в Париже.

Е.К.: Каким вас встретил отец?

А.Т.: Он почти не изменился, несмотря на изнуряющую болезнь. Выглядел старше. Много времени проводил в постели. Обрадовался нашей встрече. Верил, что поправится, строил творческие планы на будущее. У него всегда было много творческих идей. В последние месяцы жизни он думал над сюжетами фильмов о Святом Антонии из Падуи, Гамлете и о Голгофе – фрагменте из Евангелия. Необычайная сила духа отца не покидала его до конца.

Большую помощь в тот период его жизни оказали Марина Влади и ее муж, врач, лучший специалист Франции по данным заболеваниям. В первые недели болезни, до больницы, отец жил в парижской квартире друга – польского кинорежиссера Кшиштофа Занусси. За отца переживали многие знакомые и малознакомые люди.

Е.К.: Вы осознавали, что ваш отец – гений, что он совершил невозможное: с помощью изобретенного им собственного языка в кинематографе он запечатлел облик Духа, Бесконечности? Такое до него еще никому не удавалось.

А.Т.: И тогда, и теперь для меня он в первую очередь – отец. Гением себя он не считал. Талант – это повинность, долг человека, но не самоценность. Он творил для того, чтобы как можно более полно выразить красоту, которая одновременно является истиной. Он творил ради этой истины, а не ради собственной славы. Восприятие его творчества – большой духовный труд. Ребенком, конечно, я не все понимал в его фильмах, но на интуитивном уровне опереживал. Каждый его фильм был для меня эмоциональным потрясением.

Е.К.: У вас есть любимый фильм?

А.Т.: Сложно ответить. Возможно, фильм, который наиболее созвучен мне внутренне – «Сталкер». Мне посчастливилось, что я рос в напряженной духовной и интеллектуальной атмосфере, которая была естественным и единственным условием жизни для отца. Это необычайное духовное напряжение я ощутил впервые, попав мальчиком в 1-й павильон «Мосфильма» на съемки «Сталкера» в 1979-м. Вся съемочная группа работала завороченно, на одном дыхании. Для этих людей авторитет отца был абсолютным. Они не просто работали, а священнодейство-

вали, всегда были преданы ему безгранично. То же происходило и в Италии на съемочной площадке, и в Швеции. Отец умел обращать людей в свою веру, заражать их преданностью и любовью. Они получали от него уникальный опыт. Экспансивные итальянцы и пунктуальные шведы забывали обо всем на свете, о «священном» для них перерыве на обед, об отдыхе. Готовы были работать с отцом сутками, если это было необходимо. Он был чрезвычайно требователен, безжалостен к самому себе и так же относился к людям. Всегда говорил, что снимать кино – это поступок.

Е.К.: Чем самобытнее и значимее творческая личность, тем она сложнее в обычной жизни. Можно ли сказать это об Андрее Арсеньевиче? И кто из родителей был лидером в семье?

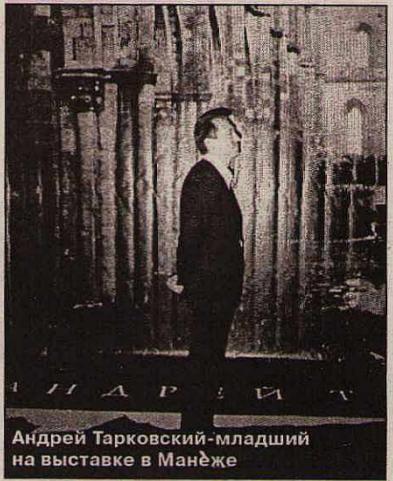
А.Т.: Ну, конечно, отец. Он, действительно, был иногда сложен, недоступен, почти постоянно внутренне напряжен. Но мама интуитивно понимала эти моменты и всегда знала, как с ним себя вести. Мама обладала мистической способностью предугадывать события и даже иногда упреждать ими. Оба обладали незаурядным темпераментом. Иногда споры кончались размолвкой. Тогда отец, пользуясь своим приоритетным положением, позволял маме начать «мирные переговоры». Кто-то мудро заметил: каждый великой мужчины достоин великой женщины. Их союз был таким. Мама была более открытым, общительным человеком, чем отец. Но отец не переносил долгого одиночества. Мучительно переживал нашу затанувшую разлуку.

Отец обладал потрясающим чувством юмора. Он очень любил гостей. В нашем доме часто устраивались бурные, веселые застолья. Люди, посещавшие наш дом, были незаурядные, яркие. Мне запомнился Владимир Высоцкий. Я называл его «дядя Салют». Было мне года четыре, когда он стал появляться в нашем доме по праздникам, причем каждый раз в девять часов вечера. Как это у него получалось – не знаю. Наверное, чтобы сделать мне приятно. В это время начинался праздничный салют, который можно было наблюдать с балкона нашей квартиры. Конечно, он брал в руки гитару и начинался концерт по полной программе. Такие воспоминания не забываются.

Е.К.: Доминирующая черта отца?

А.Т.: Бескомпромиссность. Он всегда открыто говорил то, что думает о людях. Некоторые считали это грубостью, высокомерием. Отец никогда не шел ни на какие сделки с совестью. Он глубоко верил в необходимость нравственного самосовершенствования. Его жизнь, при желании, могла быть намного проще, богаче, красивее, если бы он снимал то, что от него хотели. Об этом он писал в дневнике.

Любил людей. Прекрасно разбирался в них. Ценил дружбу. Очень нежно относился к Параджанову. Эти чувства были взаимными.

Андрей Тарковский-младший на выставке в Манеже

Е.К.: Кроме внешнего сходства, вы чем-то похожи на отца?

А.Т.: Может быть, упрямством. Иногда это качество полезно. Иногда мешает в общении. Если с первого момента человек не симпатичен, мне сложно заставить себя контактировать с ним.

Е.К.: Вы производите впечатление светского человека. Каков ваш стиль жизни?

А.Т.: Это ошибочное впечатление. Я предпочитаю уединенный образ жизни. Я не тусовщик. Друзей немного. Из старых друзей отца Кшиштоф Занусси – потрясающий, добрейший, милейший, умнейший человек – не забывает меня, шлет от-

крытки со всех концов мира. Другой – писатель, философ, очень близкий мой друг Рафаэль. Он тоже старше меня, большой друг мамы.

Е.К.: Последний фильм «Жертвоприношение» Андрей Арсеньевич посвятил вам. Означает ли это, что он видел в вас духовного наследника?

А.Т.: Думаю, что да. Мы много разговаривали на эту тему. У него была мечта, чтобы я работал с ним в кино. Об этом он сказал сразу, когда я приехал в Париж: «Будешь работать со мной». Но судьба распорядилась иначе... Мне льстило, что мне, мальчишке, отец доверял свои сокровенные мысли. Он никогда не сюсюкал, говорил, как со взрослым. Хорошо, если уже с детства в ребенке заложены какие-то духовные принципы, нужно постараться их развить и использовать в своей дальнейшей жизни. Хотя он был убежден, что никого ничему специально нельзя научить. Я тоже так считаю. Человек должен прожить свою жизнь так, как он считает нужным. Отец часто советовал мне прочитать какую-нибудь книгу, которую сам любил. Он считал, например, «Анну Каренину» Толстого самым гениальным романом с литературной точки зрения. Хотел экранизировать «Идиота».

Закончив школу, я вначале думал посвятить себя точным наукам, физике и математике. Два года проучился в Университете во Флоренции. Но вырос я в артистической среде, и мне без искусства не прожить. А мир науки достаточно замкнут. Мне было бы довольно сложно заниматься тем, что меня интересует. Я увлекся востоковедением, древними языками Междуречья, шумеров, историей арабской культуры, которую очень люблю. Люблю историю вообще. Мне нравится изучать законы развития цивилизации, здесь еще столько непознанного и необъяснимого для сегодняшнего человека.

Е.К.: Ваш отец занимался, в сущности, теми же проблемами: загадка возникновения разума, предназначение человека, поиски смысла жизни... Отец был верующим человеком?

А.Т.: Да, безусловно. Но не в узком смысле. Он не был ортодоксом. Хотя все православные праздники, особенно Рождество и Пасху, отмечали в доме торжественно. Меня крестили в нашем доме на улице Пырьева лет в семь. Крестным отцом был Тито Калатозов – сын Михаила Калатозова, снявшего «Летят журавли», крестной мамой – моя тетя Антонина Павловна, мама сестра. Она, к счастью, здравствует и живет в Москве.

Я застал еще дедушку, Арсения Тарковского. Помню, как в детстве ходил с отцом его навещать. Он жил на Садовую-Кудринской, потом на Селезневке. Дед был очень колоритным, строгим, серьезным человеком. Та же строгость была присуща и отцу. Они очень любили друг друга, но были по-мужски сдержанны, даже чрезмерно закрыты для выражения чувств друг другу. Отец страдал от этой недосказанности. Оба были сильные, незаурядные личности. Отец боготворил деда. Однажды он признался, что все его творчество – это, в сущности, попытка перевести стихи Арсения на язык кино. Отец искренне считал, что Арсений Тарковский – лучший русский поэт XX века. И дедушка очень любил фильмы отца, о чем ему неоднократно говорил. Отец очень дорожил мнением Арсения. Для него это было крайне важно. Мне кажется, они были очень близки, несмотря на то, что дед рано ушел из семьи и бабушка Мария одна воспитывала двух детей. Бабушка я тоже помню хорошо, она часто приходила к нам. Уникальная женщина. В молодости она писала. С Арсением они познакомились на литературных курсах. Но Мария полностью посвятила свою жизнь детям. Жизнь была тяжела, но ее дети получили хорошее образование: учились музыке, живописи. В «Зеркале» отец очень точно воссоздал бабушкин характер в исполнении Маргариты Тереховой.

Е.К.: В фильмах отца много мистики...

А.Т.: Отец всегда увлекался таинственными проявлениями сверхспособностей в человеке. Во время работы над «Солярисом» отец участвовал в спиритическом сеансе, и вызванный дух Пастернака предсказал отцу, что он снимет 7 фильмов. Так и случилось. Когда врач сообщил ему, что он смертельно болен и проживет три недели, отец в дневнике записал: «Да, старина Пастернак оказался прав!».

Е.К.: У вас ведь есть сводный брат и сестра от первых браков родителей. Вы поддерживаете отношения? Как относились к ним Андрей Арсеньевич?

А.Т.: Он переживал, что его сын Артем, который старше меня на 10 лет, жи-

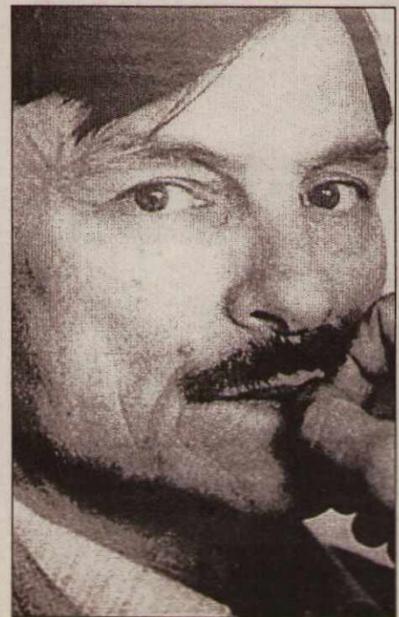
вет в другой семье, что редко видится с ним. Мы встречаемся с Артемом, когда я приезжаю в Москву. Он врач. Сестра Ольга, мама старшая дочь, живет в Париже. Она посвятила себя семье, дому. У нее двое детей.

Е.К.: Это та рыжая девочка с пухлыми, потрескавшимися на морозе губами и алебастровой ручкой в «Зеркале»?

А.Т.: Да.

Е.К.: Что дает вам работа в Фонде?

А.Т.: Это мой долг перед отцом. Я работаю во Флорентийском отделении Фонда с 94-го года. И рад, что имею возможность систематически изучать наследие отца, заниматься сохранением и публикацией его архива, популяризацией творчества. Еще нужно года три, чтобы завершить систематизацию всех архивов. Наследие огромно. Первый Парижский фонд был создан мамой в 1987 году, сразу после смерти отца. Московское отделение действует с 96-го. Одна из первых акций Фонда – публикация книги «Запечатленное время». Еще при жизни отца книга вышла в Германии, Англии. В начале нынешнего года в Италии мы опубликовали дневники отца. Успех книги превзошел все наши ожидания! Презентация

прошла с огромным успехом. Мы издали 4 тысячи экземпляров по 700 страниц, на хорошей бумаге, более 130-ти фотографий и рисунков отца. Финансовую поддержку оказал один итальянский банк из Флоренции. Дневник переведен на 15 языков. Надеясь в этом году издать книгу на русском языке. Редактором и переводчиком русского издания выступил я сам. Кроме того, мы переводим весь архив на электронные носители. Отстранили негативы фильмов отца. Напечатали кинокопии, при поддержке «Мосфильма» и Министерства культуры России. Что касается зарубежных фильмов отца, то «Ностальгия» принадлежит итальянскому телевидению – РАИ, а «Жертвоприношение» – Шведскому киностудии. У нашего Фонда хорошие отношения со всеми собственниками фильмов. В связи с юбилеем планируется много ретроспективных показов во многих странах. Для осуществления всех программ Фонда, естественно, нужны немалые средства. Финансовые проблемы задерживают их реализацию. Год, в связи с юбилеем, очень напряженный. Но не думаю, что всю свою жизнь посвящу музею. Жизнь продолжается. Нужно развивать идеи отца. Это чрезвычайно актуально для современного человека, во многом утратившего духовность.

Е.К.: Есть ли у вас желание самому снимать кино?

А.Т.: В 96-м я сделал небольшую картину в Париже о последних днях жизни отца. Фильм демонстрировали по НТВ и ОРТ. Осенью я планирую начать в России съемки документального фильма по дневникам отца «Мортиролог» при поддержке Минкультуры.

Е.К.: Как вы думаете, отец был бы рад, что вы живете в свободном мире и занимаетесь любимым делом?

А.Т.: Свобода – это когда ты чувствуешь ответственность перед людьми и перед собой. Я открыл это для себя благодаря отцу. Таково мое жизненное кредо. Чувствую себя совершенно русским по менталитету. Хочу быть свободным, не скованным какими-то условными рамками, которыми люди себя искусственно ограничивают. Думаю, отцу не было бы стыдно за меня.

Тарковский-младший

СКН №31-32 2002 г. 06.10.02

СКН №31-32 2002 г. 06.10.02